

Нет ничего невозможного. (Контекстуальный реализм и модальности.)

И. Е. Прись

Сделаем различие между тем, что действительно есть (актуально), тем, что может быть (возможно), и тем, что невозможно. Отрицание невозможности есть необходимость.

Для Алексиуса Майнонга то, что невозможно (не существует), например, круглый квадрат, является одним из типов объекта [1]. Для Франца Brentano, однако, мысль не может быть направлена на несуществующие объекты. Эдмунд Гуссерль вводит понятие «наполнение интенции». Для него в случае круглого квадрата соответствующая интенция не наполнена. Корректируя феноменологию Гуссерля, Жослин Бенуа трактует интенцию как норму, а её «наполнение» как удовлетворение норме. Если интенция на «наполнена», то есть норма не удовлетворена, нет смысла говорить об объекте, который ей удовлетворяет. «Несуществующий объект» вовсе не объект, а неудовлетворение норме [2, ch. 6].

Мы интерпретируем наполнение интенции как корректное применение витгенштейновского правила (далее: в-правила) в рамках языковой игры, укоренённой в реальности.

Нет смысла говорить о границах реальности как таковой, о том, что возможно или невозможно в абсолютном смысле. Модальности имеют смысл лишь в рамках уже концептуализированной тем или иным образом реальности – «формы жизни», то есть относительно её норм, «в-правила», которое имплицитно в относящихся к ней языковых играх; они предполагают употребление концептов.

Мы интерпретируем метафизическую необходимость, то есть концептуальную необходимость в самом широком смысле (в соответствии с природой вещей), как (концептуальную) необходимость в-правила, а метафизическую возможность как возможное употребление в-правила, относящегося к «грамматике» (логической структуре) формы жизни [3].

Под «возможным употреблением правила» мы понимаем «употребление», о котором можно корректно *сказать*, что оно возможно (могло бы быть, может быть и так далее). То есть мы трактуем возможности при помощи дисквотационной схемы: «(...) может быть тогда и только тогда, когда “(...) может быть” истинно». Соответствующее модальное высказывание («языковая игра») “(...) может быть” ассоциируется с некоторым (действительным) применением в-правила, то есть с языковой игрой, констатирующей некоторое действительное состояние дел, идентифицирующей некоторый реальный объект.

В этом смысле то, что возможно, не объект. Язык возможных миров является языком скорее образным.

Невозможность – это невозможность применения правила за пределами области своей применимости, соответствующей формы жизни; это невозможность отрицания необходимости (правила). Строго говоря, она не имеет смысла, так как пределы осмысленности – это пределы формы жизни. Другими словами, невозможное не есть объект, имеющий особую природу, отличную от природы актуального и от природы возможного. В этом, почти тавтологическом, смысле нет (не существует) ничего невозможного. Не существует ничего невозможного в смысле некоторого *данного*, к которому в принципе нет доступа. Но это, конечно, не смысл, в котором «всё возможно».

Поскольку форма жизни определяет вид реальности (и вид «природности»), всё выглядит так, как если бы метафизически невозможное было невозможно вследствие природы вещей, относящихся к ней. На самом деле, например, квадратная окружность невозможна не потому, что окружность обладает особой природой, вследствие которой она не может быть квадратной (на эту природу наша мысль как бы наталкивается, безрезультатно пытается схватить, реализовать квадратную окружность), а потому что понятие квадратной окружности бессмысленно с точки зрения концептов (норм) евклидовой геометрии. Если мы хотим иметь дело с квадратной окружностью, нам следует попытаться выработать другие концепты, подстроить наши мысли к новому предмету, а не наоборот.

В пределах же формы жизни, представляющей собой совокупность связанных между собой семейным сходством языковых игр, всё возможно и даже многое предопределено. К тому же, с точки зрения витгенштейновской перспективы динамических языковых игр и форм жизни есть смысл, в котором невозможное возможно, или, точнее говоря, может стать возможным: невозможное может стать возможным с точки зрения обобщённого в-правила (нормы), расширенной формы жизни (понятие метафизической возможности приобретает, таким образом, более широкий смысл), оставаясь при этом невозможным в рамках исходной формы жизни, то есть в смысле исходного в-правила.

Известно, что в рамках некоторой естественным образом обобщённой метрической геометрии квадратная окружность оказывается возможной. То есть она возможна по отношению к другой норме, которая, однако, не произвольная конвенция квадратной окружности, а норма, имеющая тесные структурные, «естественные» связи с евклидовой нормой [4, ch 5]. Противоречащая евклидовой логике метафизическая интуиция, направленная на поиск квадратной окружности в конечном итоге оказывается права.

Суть здесь именно в «естественном» обобщении (расширении) математики, сохраняющим связи, «семейное сходство» с уже установленным математическим знанием и имеющим обоснование *постфактум*. Такое обобщение укоренено в математической реальности, само является математической реальностью, не есть произвольная конвенция. (Феномен

радикального расширения математических понятий изучает Имре Лакатос [5]. Квадратная окружность возможна, действительно существует, реальна, но не в рамках евклидовой геометрии, а в рамках геометрии с другой метрической нормой. (С точки же зрения чисто топологической между квадратом и окружностью вообще нет никакой разницы.) Таким образом, даже то, что «априори невозможно», оказывается возможным. Нахождение этой возможности предполагает действие, а не созерцание.

И наоборот, может случиться, что в новой «системе отсчёта» то, что было возможно, оказывается невозможным. Например, соотношение неопределённостей Гейзенберга устанавливает невозможность одновременного точного измерения координат и импульса квантовой частицы. Неправильная интерпретация может состоять в том, что такое одновременное измерение имеет смысл, частицы имеют точные значения координат и импульса, но доступ к ним невозможен. Это попытка втиснуть новую реальность в старые представления. Невозможность здесь – логическая невозможность применения классической механики как в-правила за пределами области своей применимости.

Новые правила (нормы), так же как и новые объекты, не предопределены; они вырабатываются в реальности, которая всегда превосходит данные языковые игры и формы жизни. Они относятся к новым контекстам и их применения тоже зависят от контекста. Правильный взгляд на модальности предполагает контекстуальный реализм, отвергающий метафизический реализм предопределённых объектов, свойств, отношений и структур, и по сути смешивающий нормативное и реальное путём субстанциализации первого.

Метафизический реалист догматик; он пытается установить фиксированные границы возможного. Идеалист, напротив, пытается слишком быстро преодолеть любые границы, отрывается от реальности, оперирует псевдоконцептами. При этом оба абсолютисты. Оба апеллируют к деконтекстуализированной онтологии, не принимают во внимание контекстуальную природу модальностей.

Абсолютизированные модальности рассматриваются как определённые объекты. Но возможности и невозможности не объекты. Говорить об объектном существовании возможностей и невозможностей приводит к ошибочному приписыванию одинакового статуса реальному, возможному и невозможному: всё как бы существует, но по-разному; всё как бы реально, но в разной степени.

Таким образом, наша точка зрения на модальности умеренно дефляционистская, делающая акцент на корректном употреблении языка, но отвергающая конвенционализм (подлинная мысль и подлинная языковая игра, то есть реальное действие, а не нечто воображаемое, не могут быть конвенциями). Она не отвергает онтологию, а контекстуализирует её.

Литература и источники

1. Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Leipzig: J. A. Barth, 1915. 760 с.

2. Benoist J. Logique du phénomène. Paris: Hermann, 2016. 200 с.
3. Прись И. Е. Иллюзии возможностей и реальные возможности [Электронный ресурс] // Философская мысль. – 2014. – № 5. – С. 45 – 70. URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12295 (дата обращения: 19.09.2018).
4. Benoist J. L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017. 369 с.
5. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Москва: Наука, 1967. 152 с.

Авторская справка.

ФИО: Прись Игорь Евгеньевич

Место работы: Институт философии Национальной академии наук Беларуси, 220072, Республика Беларусь, г. Минск. Ул. Сурганова, 1, корп. 2, к. 810. Тел.: +375 44 514-71-55.

Должность: старший научный сотрудник

Научная степень и звание: канд. физ.-мат. наук, канд. философских наук

Электронная почта: frigpr@gmail.com .

Name : Pris Igor Evgen'evich

Place of work: Institute of Philosophy of NAS of Belarus

Address: Surganova, 1/2, city of Minsk, Republic of Belarus, 220072

Phone: +375 44 514-71-55.

Position: Senior Reseacher

Degrees: PhD in theoretical physics, PhD in philosophy

Email: frigpr@gmail.com .

Тема: Нет ничего невозможного.
(Контекстуальный реализм и модальности.)

Секция: «Логика и методология трансдисциплинарных стратегий в научном познании и инновационной деятельности.»